

УДК343.244

ПОДБОР И ПОДГОТОВКА КАДРОВ ПРИЮТОВ И КОЛОНИЙ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В XIX ВЕКЕ

Пушилин Роман Владимирович,

преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин,

Псковский филиал Академии ФСИН России.

Россия, г. Псков. E-mail: pushilinroman@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы подбора и подготовки сотрудников для исправительных учреждений для несовершеннолетних в дореволюционной России.

Ключевые слова: тюремная система, история пенитенциарной науки, подготовка кадров, кадровое обеспечение, воспитательно-исправительные заведения, несовершеннолетние.

Одной из важных проблем, стоявших перед руководством воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних преступников и правонарушителей в XIX веке, был подбор личного состава учреждений.

Следует подчеркнуть, что эта проблема не утрачивала своей актуальности в различные исторические периоды развития отечественной уголовно-исполнительной системы.

Сегодня совершенствование кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы также является важным условием повышения уровня эффективности организации исполнения уголовных наказаний.

На необходимость обеспечения уголовно-исполнительной системы профессиональными сотрудниками, которые соответствовали бы высоким требованиям, указывал еще Петр I. Его фразу, ставшую знаменитой, приводят практически все исследователи российской пенитенциарной системы.

На необходимости специальной подготовки сотрудников исправительных учреждений акцентировалось внимание в 1872 году на Международном тюремном конгрессе в Лондоне и на конгрессе американских пенологов в Цинцинати. По мнению участников конгрессов, тюремная деятельность – «это обязанность серьезная, требующая солидной подготовки, полной преданности, спокойного и справедливого суждения, большой стойкости при достижении цели, настойчивости в действиях, обширного опыта, действительной симпатии и много нравственной силы в минуту испытания» [1, с. 14].

Учитывая столь обширный перечень достоинств, которыми должны были обладать служащие тюрем, по мнению участников конгресса, необходимо было организовать для них специальное воспитание в виде создания образцовых школ для тюремного персонала [1, с. 14]. Именно путем организации подобной системы подготовки тюремного персонала, которая должна была начинаться в молодом возрасте, сотрудники могли быть подготовлены к исполнению своих обязанностей и проходить службу в качестве надзирателей, старших надзирателей и начальников небольших тюрем.

При приобретении опыта работы и хороших показателей в службе (наиболее ярким показателем качества служебной деятельности в конце XIX века считалось незначительное количество случаев рецидива среди преступников, содержащихся в подчиненной им тюрьме) они могли переводиться для руководства более крупными исправительными учреждениями [1, с. 14].

В 1878 году на заседании II Международного тюремного конгресса в Стокгольме требования к необходимости подготовки сотрудников тюрем ужесточились. Так, «надзиратели тюремные, прежде окончательного их назначения, должны получать теоретическое и практическое обучение» [1, с. 34]. В то же время участники конгресса акцентировали внимание на том, что важным условием подбора хороших кандидатов на службу в тюремные учреждения выступает жалование, «которое привлекло бы на эту службу и удерживало бы в ней способных людей, а также некоторые другие меры для обеспечения прочности служебного положения надзирателей» [1, с. 34].

В ходе IV Международного тюремного конгресса в Санкт-Петербурге в 1890 году ведущие деятели отечественной и зарубежной пенитенциарии уже разграничивают высшие и низшие тюремные должностные лица.

Подготовка кандидатов в высшие должностные лица должна была осуществляться путем изучения курса истории и теории тюремоведения, а также в практическом изучении всех подробностей тюремной службы под руководством начальников образцовых тюрем. После этого кандидаты включались в списки и представлялись властям, которые, в свою очередь, назначали на должности [1, с. 58]. Что же касается низших должностей тюремного персонала, то подготовка лиц на эти должности должна была осуществляться в практической тюремной службе или в школе тюремных стражников [3, с. 58].

В то же время участники этого конгресса отметили, что «необходимо предоставлять служащим содержание и выгоды, соответствующие важности и трудности предстоящей им деятельности, в пользу общества; излишняя в сем отношении бережливость могла бы оказаться вредною во всех отношениях» [1, с. 58].

В связи с тем, что вопрос кадрового обеспечения дореволюционной уголовно-исполнительной системы всесторонне изучен исследователями, такими как М. Г. Детков, П. П. Пирогов и другими [2, с. 105], остановимся на проблеме подбора кадров для воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних в дореволюционный период.

Одним из первых нормативных документов, освещающих кадровое обеспечение воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних, стал Закон от 5 декабря 1866 г. «Об исправительных приютах и колониях для несовершеннолетних».

Затем последовал ряд других законов, в которых рассматривались лишь некоторые вопросы, связанные с регламентацией отдельных аспектов указанной проблемы, либо эти законы вносили изменения и поправки в уже существующие акты. Окончательно нормативно-правовая база сформировалась с принятием Положения о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних от 19 апреля 1909 г.

Что касается личного состава исправительно-воспитательных учреждений для малолетних, то в соответствии с указанным Положением эти заведения возглавлялись директорами или начальницами, которые отвечали за порядок и «правильный ход дела» в заведении, а также решали все вопросы, связанные с деятельностью заведения [3, с. 264]. Единственное требование, которое предъявлялось к руководителям исправительно-воспитательных заведений (директорам и начальницам), – это наличие аттестатов на право преподавания или об окончании высшего или среднего учебного заведения. Однако ни Закон от 5 декабря 1866 г., ни Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних не регламентировали минимальный штат служащих в исправительных приютах соответственно численности малолетних, а также образовательный ценз для персонала этих учреждений и не оговорили никаких служебных прав и преимуществ. Этот пробел в законодательстве предполагалось ликвидировать в уставах отдельных исправительных заведений, на что однозначно указывалось в этих документах [3, с. 267]. При этом далеко не во все уставы были включены соответствующие разделы. В тех же заведениях, чьи уставы содержали соответствующие разделы, информация была крайне неполной.

Остановимся на некоторых, наиболее известных воспитательно-исправительных заведениях.

В соответствии с Уставом Нижегородской исправительной земледельческой колонии от 24 ноября 1877 г. управление колонией возлагалось на директора, который должен был заботиться о правильном воспитании питомцев, руководить другими лицами, служащими в колонии, а также заведовать всеми денежными суммами колонии, заниматься всеми хозяйственными операциями и предоставлять соответствующую отчетность. Кроме того, в земледельческой колонии, согласно Уставу, состояли священник, воспитатель и другие лица, необходимые для обучения воспитанников грамоте, сельскому хозяйству и ремеслам, а также врач. Священник и врач назначались и увольнялись Комитетом общества Нижегородской исправительной земледельческой колонии для малолетних преступников, мастера – председателем Комитета по представлению директора колонии, а все остальные служащие – директором колонии.

Воспитанники в колонии разделяются на семьи, каждая из которых находится под присмотром особого воспитателя, живущего вместе с детьми. Воспитатель избирался из женатых людей, и на него (как и на его жену) возлагались заботы о поддержании опрятности и чистоты воспитанников. Обязанности воспитателя могли быть вверены учителю, мастеру или лицу, которому будет поручено ведение земледельческого хозяйства в колонии [4, с. 3–4; 7, с. 16–17].

Должности, аналогичные воспитателям, были введены и в других заведениях.

Так, штаты Московского Рукавишниковского исправительного приюта предусматривали должности «дядек», которые преимущественно набирались из числа отставных унтер-офицеров. Командовал ими отставной фельдфебель [6, с. 10].

В обязанности одного из дядек входил надзор за порядком в спальном помещении мальчиков, остальные должны были поочередно находиться при воспитанниках, «предупреждая и прекращая всякий беспорядок и не допуская никаких непозволительных шалостей» [6, с. 10].

Кроме того, штаты приюта предусматривали привлечение на работы наемных мастеровых и учителей, которые должны были проживать вне заведения [6, с. 10].

Деятельность каждого из должностных лиц, работавших в приюте, регламентировалась разработанными правилами и инструкциями. Так, советом Рукавишниковского приюта были разработаны инструкции смотрителю, мастерам и подмастерьям приюта, правила воспитанникам и инструкции воспитателям [7, с. 334].

Необходимо подчеркнуть, что привлечение для работы в исправительных заведениях для несовершеннолетних отставных унтер-офицеров на должности дядек было достаточно распространенным явлением. Об этом может свидетельствовать тот факт, что в Санкт-Петербургской земледельческой колонии и ремесленном приюте была создана специальная Инструкция дядькам.

В соответствии с Инструкцией основными задачами дядьки были наблюдение за порядком, а также соблюдение правил и распоряжений директора в заведении. Дядьки должны были выполнять с воспитанниками все домашние работы по уборке и хозяйству и руководить ими на работах, а в мастерских должны были следить за тем, чтобы воспитанники занимались только исполнением работ, порученных им мастерами. Дядьки спали в помещениях мальчиков и наблюдали за выполнением распорядка дня, а также следили за бельем, одеждой и обувью воспитанников, не допуская, чтобы они были в оборванной одежде «и вообще заботились о поддержании опрятности и чистоты самих мальчиков и чаще осматривали их в этом отношении» [8, с. 3]. Один из назначенных директором дядек должен был заниматься с воспитанниками общей и военной гимнастикой.

За плохое исполнение своих обязанностей, небрежность, неисполнение отданных приказаний дядьки могли подвергаться со стороны директора замечанию, выговору, штрафу или увольнению со службы [8, с. 1–4].

Следует отметить, что уставы и иные нормативные правовые документы, даже если содержали требования к сотрудникам заведений, практически обходили своим вниманием учебно-воспитательный персонал, и о его существовании, как правило,

только упоминалось. Это в конечном счете привело к постоянной смене служебного персонала в исправительных заведениях, разнообразию состава служащих и неравномерности штатов, что негативно сказывалось на качестве воспитательной работы.

Эти и многие другие проблемы, связанные с деятельностью исправительно-воспитательных заведений для несовершеннолетних, пытались решать.

С этой целью неоднократно созывались съезды представителей исправительных заведений в России. Всего до 1900 г. прошло четыре съезда, но только на первых двух из них рассматривались вопросы, связанные с комплектованием личным составом исправительных заведений. Однако в ходе их работы эти проблемы так и не были решены, лишь констатировалось, что процесс перевоспитания «не будет приносить надлежащего плода, если не будет человека, глубоко преданного этому делу, который мог бы стать во главе приюта» [9, с. 26–30].

Такие личности, как неоднократно отмечалось на съездах представителей исправительных заведений, – единичные явления. Представители исправительных заведений в России придерживались мнения о том, что для перевоспитания малолетних преступников необходимо влияние образованного, глубоко преданного делу воспитателя, но для привлечения на работу в воспитательно-исправительные заведения таких людей пока ничего не сделано.

Крайне разнообразной была и организация работы по обучению воспитанников. Так, в Московском приюте имелось четыре наставника, специально занимавшихся преподаванием различных предметов. В то же время в Петербургской колонии преподавание было возложено на одного из воспитателей и на одного из их помощников, которые практически не имеют возможности заниматься подготовкой к лекциям и занятиям [6, с. 10].

В области организации воспитательной работы некоторыми юристами и общественными деятелями высказывались предложения относительно внесения изменений в этот вопрос. Они предлагали устранить из исправительных заведений труд надзирателей и дядек (эти должности первоначально вводились по причине сравнительной дешевизны их труда), которые крайне предвзято относятся к питомцам, рассматривая их, как правило, в качестве арестантов, и заменить их лицами из числа учебно-воспитательного персонала. Количество воспитателей должно было соответствовать количеству групп воспитанников и ни в коем случае не быть меньше, чем количество групп [10, с. 87–90].

Что касается обеспеченности воспитательно-исправительных заведений служащими, то никаких единых правовых документов и норм, регламентирующих этот вопрос, не существовало. Этот вопрос рассматривался на четвертом съезде. В итоге было принято решение, что число служащих должно определяться фактической потребностью каждого заведения. Однако в каждой мастерской должно быть не менее одного мастера-учителя на каждые 25 воспитанников, а количество служащих по воспитанию и надзору в целом не менее одного на 10 воспитанников [10, с. 87–90].

Неоднократно в ходе работы съездов поднимался вопрос об организации системы подготовки воспитателей для исправительных заведений. Однако некоторые участники съездов подвергли критике эти предложения, считая, что для работы в исправительных заведениях никаких особых познаний не требуется и наилучшим воспитателем является просто хороший семьянин [19, с. 26–30].

Так, например, по мнению Н. Тальберга, не настолько важны система воспитания или еще какие-то иные качества, как «личность воспитателя, сила его воли, дарования, знания человека со всеми его слабостями и недостатками, высшая духовная способность понимать движения души человеческой, читать в тайниках ее, подмечать слабые стороны в ребенке и уметь действовать на них» [11, с. 39]. В то же время он отмечает, что личный опыт и дарования того или иного воспитателя должны опираться на изучение внутреннего душевного мира ребенка, его наклонностей и привычек и знания особенностей характера детей и подростков, что является «первым и главным условием воспитательного влияния» [11, с. 40].

Следует отметить, что первые попытки организации профессиональной подготовки персонала исправительных заведений были предприняты попечителем Московского Рукавишниковского приюта К. В. Рукавишниковым, который с 1884 г. учредил в приюте две должности «кандидатов воспитателей», которые на протяжении шести месяцев проходили обучение необходимым наукам. Лица, прошедшие эту школу, использовались для замещения свободных должностей в своем или в других приютах [10, с. 87–90].

Таким образом, можно констатировать, что кадровое обеспечение воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних в дореволюционной России было слабо регламентировано как со стороны государственной власти, так и со стороны попечительских и благотворительных обществ, в ведении которых фактически находились указанные заведения. Этому вопросу практически не уделялось внимания в нормативных документах воспитательно-исправительных заведений. В результате воспитание несовершеннолетних преступников и правонарушителей полностью зависело от совести и педагогического таланта тех людей, которые возглавляли эту деятельность или занимались подобной работой.

Список литературы

1. Постановления шести международных тюремных конгрессов и систематический указатель к ним. СПб., 1904. 92 с.
2. Иваняков Р. И., Пушилин Р. В., Сайгушев А. А. Исполнение наказаний в отношении несовершеннолетних в истории Российского государства: монография. Псков: Псков.юрид. ин-т ФСИН России, 2010. 123 с.
3. Свод законов Российской империи: в 34 т. Т. 14. СПб., 1857. – URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/226/>.
4. Нижегородская земледельческая исправительная колония. Устав Нижегородской исправительной земледельческой колонии от 24 ноября 1877 г. Н.Новгород, 1877. 14 с.
5. Устав состоящей под высочайшим покровительством его императорского величества Нижегородской воспитательно-исправительной колонии для несовершеннолетних. СПб., 1904. 18 с.
6. Отчет по обозрению Санкт-Петербургской земледельческой колонии и Московского Рукавишниковского приюта для малолетних преступников. Киев, 1876. 20 с.
7. Исправление малолетних преступников в России // Юрид. вестн. 1885. Т. XVIII. Кн. 2. 410 с.
8. Инструкция дядькам Санкт-Петербургской земледельческой колонии и ремесленного приюта. СПб., 1902. 8 с.
9. Иваняков Р. И., Смирнова И. Н. Обсуждение проблем исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних в ходе международных пенитенциарных конгрессов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 3. С. 26–30.
10. Иваняков Р. И., Рыбанова В. Э. Исполнение наказаний без изоляции от общества в отношении несовершеннолетних в России // От Александра Невского до наших дней: уроки истории: материалы VIII Междунар. Александрo-Невских чтений. Псков: Псков. гос. ун-т, 2017. С. 87–90.
11. Тальберг Н. Исправительные приюты и колонии в России // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Кн. 6. 63 с.